

Об аутентичном текстологическом представлении рукописей русских классиков¹

Область текстологии рукописей (или – «рукописной текстологии») весьма тесно связана с лингвистической проблематикой, взятой в широком понимании.

В самом деле, словесный состав черновиков, который не входит в основные тексты писателя, а отмечен только в разделе вариантов, как правило, не фиксируется в авторских словарях. Поэтому пристальное внимание к такого рода словам в черновиках нужно для обеспечения полноты словаря языка писателя, т. е. это имеет значение для авторской лексикографии.

Почему внимание к черновикам важно – наряду с исследованием беловиков? – Обращусь к аналогии из другой области – изучения устной речи. Беловики можно сопоставить с тщательно подготовленным устным выступлением (когда человек говорит «как по-писаному»), а черновики – со спонтанной, заранее не подготовленной речью, со всеми её оговорками, повторениями, с несобственно языковыми вкраплениями, с долгими паузами и тому подобными «заминками». Очевидно, оба эти типа устной речи каждый достойны исследования, а спонтанный тип в психолингвистическом отношении интереснее. То же относится и к черновикам.

Наконец, черновики писателя могут нам многое сказать о психологии его творчества, в частности – о психолингвистических характеристиках его письменной речи: черновик как-то отражает сам процесс рождения текста, его становление, поиск, приближение к некоему результату; причем не всегда результат в черновике налицо.

Далее речь пойдет о некотором особом типе представления и издания рукописных текстов, который можно назвать факсимильно-транскрипционным². Как явствует из самого наименования, ФТП страницы рукописи включает в себя два обязательных «поля» – факсимиле этой страницы и её транскрипцию. Транскрипция рукописи – это её отчетливое, разборчивое представление, с возможным сохранением её «топологии», т. е. взаимного расположения фрагментов – в частности, с сохранением разбивки текста на строки. В транскрипции следует сохранять режим правописания исходной рукописи, равно как вообще в аутентичных научных представлениях и изданиях художественного текста. Обоснование этого тезиса было дано в пионерских работах М. И. Шапира (из которых упомяну две – [Шапир 2001; 2002]), а впоследствии оно было развито в моей статье [Перцов 2008].

Кроме двух необходимых компонентов ФТП – факсимиле и транскрипции, в его составе могут быть даны и другие, «факультативные», «поля», часто представленные в архивных описаниях: характер текста (черновой, белой с поправками, белой), отнесение текста к тому или другому произведению, особенности бумаги, пишущих средств, пометы посторонних лиц, идентификация рисунков, датировка и другие сведения.

Такое представление рукописей ориентировано именно на филологов-специалистов – и вообще на читателей, заинтересованных в постижении тонкостей истории создания текста и той точки в этой истории, на которой остановилась работа автора. В данной связи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 13-04-12029 [«Разработка информационной системы мультимедийного представления текстологической информации (Проект “Видеотекст”»)].

² Используются следующие сокращения: ФТП(Р) – факсимильно-транскрипционное представление (рукописи) [или – представления (рукописей)]; ФТИ(Р) – факсимильно-транскрипционное издание (рукописи) [или – издания (рукописей)]. Для различения печатных и электронных представлений и изданий можно использовать постфиксы «-П» и «-Э» соответственно; например, сокращение «ФТПР-Э» полностью читается так: «электронное факсимильно-транскрипционное представление рукописи».

особенно важными и показательными являются черновые рукописи тех произведений, которые не были опубликованы при жизни автора и не были им доведены до белого состояния. Следующие две ступени сужения объекта внимания таковы: первая – незавершенные стихотворные произведения, вторая – незавершенные стихотворения Пушкина, оставшиеся только в черновиках.

Такого рода сужение представляется вполне правомерным. Ещё классик отечественной текстологии С. М. Бонди несколько десятилетий назад в начале статьи 1937 г. [Бонди 1937] отметил: «Пушкинская текстология сделалась представительницей русской текстологии вообще» (цит. по [Бонди 1971: 143]). В обширном рукописном наследии Пушкина мы встречаем самые разнообразные типы текстологически релевантных ситуаций; поэтому те выводы, которые можно сделать на основе внимательного анализа этого наследия, распространяются на рукописную текстологию вообще.

Итак, возьмем вполне характерную для рукописей Пушкина ситуацию: перед нами лежит черновик стихотворного текста, очень сложный для восприятия (не говоря уже о расшифровке), черновик измаранный, исчерканный, с заменами и вставками, с возвращениями к уже испробованным вариантам, иногда с густо замазанными фрагментами... Рассмотрим характерный образец – фрагмент страницы из рабочей тетради Пушкина – «Второго альбома» – с черновиком стихотворения «Въ прохладѣ сладостной фонтановъ...», которое при жизни поэта опубликовано не было [ПД, № 838, л. 73]. Первый опыт расшифровки этого очень сложного черновика был осуществлен П.Е. Щёголевым в 1911 году – спустя 83 года после его написания [Щеголев 1911]; затем эта расшифровка дополнялась и корректировалась (причем однажды – самим Щёголевым, в 1931 году незадолго до кончины [Щеголев 1931: 317–324]). Далее в 1а приведена реконструкция первых двух строф стихотворения, составленная мною на основе данных других текстологов; ниже – в 1б – транскрипция этого начального фрагмента рукописи (угловые скобки в реконструкции и затененность в транскрипции отмечают предположительность разбора или выбора соответствующего фрагмента; затененный квадратик – неразобранный символ в рукописи; знак ^ – «крышка» – недописанный «хвост» слова; более подробно о текстологической нотации говорится в статье далее).³

1а Реконструкция начала стихотворения Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов...» по черновику [ПД, № 838: л. 73]

<Въ прохладѣ> сладост<ной> фонтановъ / И стѣнь обрызганныхъ кругомъ / Пиить бывало тѣшилъ хановъ / Стиховъ гремучимъ жемчугомъ // На нити празднаго веселья / Низаль онъ хит<рою рукой> / Прозрачной лести ожерелья / И четки мудрости златой

1б Транскрипция начала черновика [ПД, № 838: л. 73]

	Въ—прохладѣ	Въ_про^	при шумѣ	брыз^	фонтановъ	сладост^
	при ш^	при шумѣ	фонтановъ			
пиить	пиить		И стѣнь	обрызганныхъ	кругомъ	
	Въ-Поэтъ		хановъ	пиить	бывало	бывало
			утѣшалъ	Поэтъ	древле	тѣшилъ
	восточной пѣнью	оглапалъ	бывало			хановъ
		празднаго	Стиховъ	гремучимъ	жемчугомъ	—

³ И реконструкция, и транскрипция составлены автором настоящей статьи. Отмечу расхождение в 1а с предлагавшимися ранее реконструкциями: в 3-й строке вместо начального «Поэтъ» я усматриваю вариант «<П>иить». Дело в том, что первая словоформа повторена в верхней части черновика дважды, вторая – трижды, причем из этих пяти вхождений единственным незачеркнутым остается фрагмент «пиить» (который, кстати, по стилистическим соображениям представляется более уместным).

принято выдавать за создание того художника или скульптора, который оборвал свою работу. Совсем не так обстоит дело в текстологии.

В большом числе черновиков мы имеем дело с ситуацией, когда автор свою работу бросил: либо он оставил свой замысел и к нему более не возвращался, либо продолжение и возможное завершение работы автора нам неизвестно – не сохранились соответствующие рукописи. Текстологи же, движимые исследовательской любознательностью и нацеленные на реконструирование как основного текста черновика и его неокончателных вариантов, так и нередко последовательности его заполнения, зачастую подают свои реконструкции как безусловные тексты исследуемого автора, не вызывающие сомнений, а такая категоричность представляется абсолютно неправомерной, не отвечающей самому характеру рабочих рукописных источников, нередко прерванных едва ли не на полуслове. Я вовсе не возражаю против реконструкции текстов на основе черновика – я возражаю против придания им безусловного, категоричного статуса и призываю к введению в арсенал текстологии новой рубрики: гипотетичные реконструированные тексты. Здесь дело не должно ограничиваться постановкой при отдельных фрагментах сигналов конъектур, т. е. сигналов предположительности, с помощью заключения таких фрагментов в угловые скобки или указания после них вопросительного знака в таких скобках, как это принято в текстологии – нет, я имею в виду необходимость особого указания гипотетичности цельного реконструированного текста – так сказать, постановки метки его гипотетичности.

При ориентации на филолога для сложных, плохо читаемых черновиков вообще недостаточна реконструкция связанных с ними текстов – основного и промежуточных. Если мы обратимся к главному по авторитетности на сегодняшний день изданию текстов Пушкина – Большому академическому шестнадцатитомному собранию сочинений, окончательно завершеному более полувека назад, мы в разделе «Другие редакции и варианты» увидим во многих случаях не столько указание таковых, сколько опыты воссоздания процесса заполнения черновика. Это можно усмотреть на примере подачи вариантов для фрагмента черновика в 1с, относящегося к тому же черновику «В прохладе сладостной фонтанов...» в Большом академическом собрании сочинений Пушкина.

1с Варианты для начальных строк стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов...» [БАСС, т. 3, кн. 2: 674–675]

При шуме	фонтанов
В	
Поэт	ханов
Восточной песнью оглашал	
	*
В прохладе	фонтанов
	*
При шуме брыз<жущих> <?>	фонтанов
	*
При шуме сладост<ном>	фонтанов
	*

В ряде случаев тщательное сопоставление таких данных с реальным положением дел в рукописи обнаруживает их произвольность: нередко мы видим там возможность разных решений относительно самих вариантов для тех или иных «позиций», относительно последовательности возникновения вариантов, относительно выбора окончательного – основного – варианта; иногда – правда, не очень часто – неясен даже исходный вариант; не говорю о том, что последовательность заполнения черновой

рукописи в большинстве случаев не может быть установлена с полной определенностью относительно всего объема рукописного пространства соответствующей страницы⁷.

В данной связи становится очевидной необходимость обращения к соответствующему черновику: желательно изучать его, во-первых, *de visu* – в оригинале или факсимильном воспроизведении – и, во-вторых, обращаясь к его транскрипции, если таковая имеется, или составляя такую транскрипцию.

Бегло коснусь вопроса о двух видах транскрипции, которые в предварительном порядке можно было бы назвать «топологическим» (или «изоморфным») и «блоковым». Топологическая транскрипция по возможности сохраняет внешний вид рукописи; в ней фрагменты, расположенные на странице «нестандартным» образом – верхом вниз, параллельно боковым краям, диагонально и т.п., – помещаются аналогичным образом. В блоковой транскрипции страница «расчленена» на отдельные фрагменты-блоки, для каждого из которых дается своя отдельная транскрипция. Топологическая транскрипция удобна для общего обзора страницы, блоковая – для анализа отдельных текстов и для поиска.

К сожалению, классики отечественной текстологии – при всех их колоссальных достижениях (особенно в области расшифровки запутаннейших Пушкинских черновиков) – выражали скептицизм по отношению к транскрипции как методу текстологического исследования и средству представления результатов последнего. Они считали транскрипцию чем-то вроде строительных лесов, необходимых при постройке, ремонте или окраске здания: после завершения работ и снятия лесов эти последние оказываются ни для чего не нужными и могут быть уничтожены. При этом, расшифровывая черновики, текстологи сами для себя транскрипции составляли, иногда их выборочно публиковали.

Такой «транскрипционный нигилизм» можно отчасти объяснить справедливым критическим отношением к буквализму некоторых предшествующих изданий Пушкина, когда транскрипцию плохо читаемого черновика, с пропусками и неразобранными фрагментами, помещали не в «технических» разделах редакций и вариантов, а в основном разделе в окружении прочих текстов, среди которых многие носили законченный и отделанный характер. Такого рода подача черновика выглядела действительно странно. К сожалению, подобная неуместность расположения транскрипций среди готовых текстов – совместно с изъянами в конкретных транскрипциях – действительно дискредитировала транскрипцию как метод и надолго определила несправедливое нигилистическое отношение к этому методу со стороны многих текстологов, сохраняющееся, увы, и ныне.

Уже более столетия назад в предуведомлении к второму тому академического собрания сочинений [Пушкин 1905] мы находим очень точные слова о статусе и пользе транскрипций – и при этом трезво отмечают ограничения транскрипционного метода:

«Стремление по возможности исчерпать черновья бумаги, прочесть все зачеркнутое, все не дописанное, стремление не только разобрать черновую, но до известной степени анализировать ее, определять взаимные отношения между поправками, их последовательность, конечно, не всегда могло быть осуществимо в полной мере: не могут не встречаться места, неточно прочтенные (особенно в наиболее сложных черновых). Но несмотря на все это, несмотря на то, что передача набором рукописи не может исчерпать и закрепить всех ее особенностей и замкнуть собою передачу в точных снимках, в факсимиле, комиссия признала необходимым именно такое полное, по возможности исчерпывающее пользование черновыми рукописями Пушкина, так как только таким способом полнее выясняются отношение бланкового текста к черновому, и ближе определяются процесс и приемы творчества великого поэта. Печатная передача рукописи не замкнет собою факсимиле, но она имеет важное значение и при пользовании точными

⁷ Если говорить о страницах черновиков Пушкина, мне представляется, что лишь в весьма ограниченном числе случаев (вряд ли больше пятнадцати процентов) последовательность их заполнения может быть достаточно надежно установлена (в этом отношении демонстрация последовательности заполнения страницы черновика «Медного Всадника» в известном прекрасном фильме 1961 г. «Рукописи Пушкина» выглядит не чем иным, как очень красивой гипотезой). Другое дело, что относительно таких относительно «прозрачных» рукописных черновых фрагментов решение соответствующей задачи их «анимации» выглядит весьма заманчиво. На это направлен проект «Видеотекст», осуществляемый группой исследователей под руководством автора этих строк (см сноску 1, а также заметку [Хомякова 2013]).

снимками или даже подлинной рукописью: при неразборчивости черновых рукописей печатная их транскрипция⁸ необходима; вводя ее в программу издания комиссия имела в виду интересы дальнейшего изучения рукописей Пушкина. Кроме того, только при указанном возможно исчерпывающем пользовании рукописей Пушкина, при печатной транскрипции их самое пользование ими для установления текста или вариантов ставится под возможный контроль читателю» [Пушкин 1905: с. III–IV].

Возможно, если бы в этом авторитетном академическом издании транскрипции черновики не вторгались в основной раздел в поток относительно или полностью завершенных текстов, а были вынесены в какой-то особый раздел, транскрипционный метод в дальнейшем не подвергся бы столь суровой критике и даже несправедливому остракизму.

Осторожный скептицизм к нему выразил в 1922 г. Б.В. Томашевский в своем критическом анализе текстологических работ М. Л. Гофмана:

«Не так давно черновики, как документы творческого процесса, не интересовали издателей, которые из них лишь выбирали варианты и компоновали <sic!> связную редакцию. Компоновки эти были наивны, при перепечатках из издания в издание смешивались с беловыми текстами и разрушали цельность изданий. Потом наступила естественная реакция – отрицание связей и предпочтение документальной “транскрипции”. Но точность “транскрипции” не совпадает с подлинностью воспроизведения. Рукописи она не передает, т. к. не воспроизводит всех графических особенностей подлинника, чрезвычайно важных для установления с в я з е й между словами. И Гофман на примере “Гречанки” убедительно доказывает недостаточность простой транскрипции. Задачей является извлечение сводки (или параллельных сводок при развитой вариантной системе)» [Томашевский 1922: 175].

Спустя три года тот же исследователь в книге [Томашевский 1925] о транскрипционном методе отзывается уже гораздо более резко:

«<...> Якушкин слишком сильно увлеклся воспроизведением всех черновых бумаг Пушкина и засорял примечания неудобочитаемыми “транскрипциями”, что вызвало нарекания журнальной критики <...> [с. 26] <...> во 1) никогда типографскими значками не передать всех тонкостей в рукописи, где характер штриха, направление строк, мелкие непередаваемые знаки руководят нас в последовательности чтения: по транскрипции поэтому труднее читать, чем по автографу; во 2) транскрипция есть, собственно говоря, сырая, недоделанная работа, не дающая основных моментов автографа – его скелета и его расслойки.

К тому же – транскрипции никто не читает, и я не знаю ни одной научной работы, которая серьезно пользовалась бы чужими транскрипциями. Всегда исследуется самый автограф, независимо от транскрипций. Транскрипция нужна лишь как приложение к факсимильному изданию (что сделано Бионкуром в его издании “Русалки”), но никоим образом не как самоценный труд. Попытки восполнить транскрипцию описанием вряд ли к чему приведут. Правильнее всего совершенно отказаться от транскрипции и делать только скелет и сводку, сопровождая его связными контекстовыми вариантами всех слов. Только при таких условиях есть гарантия, что исследователь внимательно прочтет и изучит рукопись и избежит основных ошибок, сопровождающих механическое прочтение.

Вообще – целесообразно лишь изучение, направленное к сознательно поставленной цели. Меж тем транскрибирование в наши дни становится самоцелью, спортом. Транскрипторы чрезвычайно обеспокоены бывают обстоятельством, написано или подписано слово в строке, и не задаются вопросом – с чем оно согласовано и что оно значит. Чисто зрительная сторона поглощает внимание. Прочтешь неразборчивое слово считается великой победой. Понять значение слова в контексте – пустяк, транскриптора не занимающий» [Томашевский 1925: 49–50].

Проходит еще три года – и в книге [Томашевский 1928] разоблачительный пафос по отношению к транскрибированию рукописей несколько смягчен и подчеркивается необходимость сопровождения факсимильных воспроизведений рукописи транскрипциями.

А еще спустя несколько лет С. М. Бонди в уже упомянутой выше статье [Бонди 1937] обращает в сторону транскрипционного метода новую волну резкой критики (далее цит. по [Бонди 1971]):

«С точки зрения передачи текста транскрипция почти непригодна, так как она дает много совершенно лишнего <...> транскрипция не отвечает целям ни передачи полного текста (здесь она дает много лишнего),

⁸ Это самое раннее из известных мне употреблений термина *транскрипция* в текстологическом значении (1905-й год!).

ни передачи создания полного текста (для этого она недостаточна). Это – межеумочная форма» [Бонди 1971: 146–147].

Правда, несколькими строками ниже Бонди делает оговорку, признавая уместность публикации транскрипций в ряде случаев – в частности, «при факсимильном воспроизведении рукописи, чтобы помочь читателю разобраться в ней» [там же]. А в разделе VI «Чтение черновика» этой статьи автор, говоря, что исследование черновика должно быть нацелено на его сводку, утверждает, что без неё «та транскрипция, которую делает в процессе чтения текстолог, не имеет завершения и потому большей частью бессмысленна», к каковому месту делается сноска, очень любопытная с точки зрения её внутренней противоречивости:

«Эта транскрипция, конечно, не имеет ничего общего с теми печатными транскрипциями, о которых я говорил в начале статьи. Это не способ передачи, не публикация чернового текста, а внутренняя черновая работа текстолога, памятная заметка о том, что он все слова прочел, и копия, которой он может пользоваться вместо оригинала при дальнейших исследованиях» [Бонди 1971: 169].

Из этих слов следует, что для работающего с черновиком текстолога транскрипция бывает весьма полезна и даже на какое-то время может заменить оригинал.⁹ Для адресата же его исследований она «межеумочна» и «бессмысленна». Почему? – Ведь текстолог не застрахован от ошибок: он может неправильно прочесть тот или иной фрагмент рукописи, сделать в сводке неверную редакцию какого-либо фрагмента, допустить какой-либо ляпсус в выявлении промежуточного варианта или не заметить правильного – а для того чтобы это проверить, другой текстолог должен повторить ту кропотливую и тяжёлую работу, которая была полностью осуществлена другим коллегой, т. е. составить свою рабочую транскрипцию соответствующей страницы или её фрагмента – вместо того чтобы хотя бы отчасти воспользоваться результатом работы своего собрата!

Столь нигилистическое отношение к транскрипционному методу не помешало С. М. Бонди принять самое активное участие в полной публикации факсимиле и транскрипций одного достаточно обширного рукописного источника – рабочей тетради Пушкина [ПД, № 845], так называемого «Третьего альбома», заполнявшегося между 1833 и 1835 годами – [Пушкин 1939]: Бонди был главным редактором этого издания. В отечественной текстологии это единственный опыт факсимильно-транскрипционного издания. Можно предполагать, что если бы не начавшаяся через два года после этой публикации война, работа над факсимильно-транскрипционными изданиями черновиков Пушкина была бы продолжена.

Несмотря на то, что в последующем развитии отечественной текстологии опыты транскрибирования рукописей в ряде статей и отдельных публикаций текстов¹⁰ были представлены, отрицательное отношение к транскрипционному методу у многих филологов, к сожалению, стойко сохраняется.

ФТП или ФТИ достаточно объемного рукописного текста – скажем, рабочей тетради писателя – может быть дано в одном из двух видов – последовательном или параллельном. Последовательный вид – это помещение блока транскрипций после полного воспроизведения всего рукописного источника; параллельный же – это помещение для каждой страницы источника её транскрипции в пределах одного печатного «пространства», т. е. на одном книжном развороте – скажем, на левой странице книжного разворота факсимиле страницы рукописи, на правой – её транскрипция. Каждый из видов имеет свои достоинства и недостатки: последовательный сохраняет цельность источника

⁹ При готовой транскрипции текстолог может отвлечься от оригинала для составления предварительного послыонного представления фрагментов – их исходных, промежуточных и окончательных вариантов – с тем, чтобы после этого снова обратиться к факсимиле и сверить по нему полученные результаты.

¹⁰ Например, в книге [Шолохов 2011].

как документа, но теряет в наглядности, параллельный же более нагляден, т. е. позволяет непосредственно соотносить рукопись и транскрипцию, но зато приводит к утрате цельности источника. Упомянутое ФТИР [Пушкин 1939] имеет вид последовательный.

Если обратиться к опыту зарубежной текстологии, следует отметить, что там ФТПР имеют значительно больший вес. В Германии ведется работа над изданием записных книжек Бертольда Брехта – вышли три из предполагаемых четырнадцати томов (тома 1, 2 и 7). Между 2006-м и 2011-м годами вышли шесть томов аналогичного издания, содержащих факсимиле и транскрипции восьми рабочих тетрадей Франца Кафки, так называемых «Оксфордских октавных тетрадей». Оба издания реализуют параллельный тип представления рукописей. (Как кажется, для рабочих исследовательских целей такое представление черновиков более удобно и эффективно.)

С 2011 года группа ученых при университете Гёттингена (во главе с д-ром Габриэле Радеке) работает над изданием «Записных книжек» Теодора Фонтане – оно еще не вышло, проект планируют завершить к 2017 г.; в нём предусмотрено бумажное критическое издание, с избранными факсимиле как иллюстрациями, и электронное издание, строящееся по принципу «факсимиле + транскрипция».

В интернете имеются сайты с ФТПР англоязычных авторов:

- тетради романа «Франкенштейн» Мэри Шелли
<http://shelleygodwinarchive.org/sc/oxford/frankenstein/notebook/a#n=5>)
- рукописи Уолта Уитмена
(<http://www.whitmanarchive.org/manuscripts/transcriptions/pml.00006.html>)
- рукописи Эмили Дикинсон
(<http://www.edickinson.org/collections>)
- рукописи писем Ван Гога
<http://vangoghletters.org/vg/letters/let002/letter.html>
<http://digitalhumanities.org:8080/dhq/vol/4/2/000088/000088.html>

Возражения против транскрипций как метода известны: высказывалось опасение, что транскрипция зачастую может запутать исследователя, повести его по ложному пути, направить его внимание на ошибочные варианты. Действительно, такое может случиться, если исследователь ограничивается обзором одной только транскрипции без обращения к оригиналу. При расшифровке оригинала и реконструировании его фрагментов важно бывает многое, что либо невозможно, либо крайне затруднительно передать в транскрипции: пишущее средство (чернила, карандаш), его цвет и интенсивность, пишущий инструмент (скажем, гушиное или металлическое перо), резкость нажатия, характер почерка, замена одного фрагмента другим в случае «подправления» заменяемого фрагмента, т. е. написания нового поверх старого, а не рядом с ним; наконец, важны такие внешние характеристики документа, как тип бумаги, наличие филиграней, указания о сгибании листа, о наличии дезинфекционных проколов (делавшихся на заставах во время эпидемий) – и другое подобное. Транскрипция всего отразить не может – однако она может помочь в восприятии и анализе оригинала; она может помочь как в реконструировании текстов черновика, так и в проверке такой реконструкции, проведенной другим исследователем. Без подробной транскрипции в случае сложного черновика такая реконструкция вообще невозможна. А в большом числе случаев текстолог, затративший много усилий на транскрибирование сложнейшего черновика, свою транскрипцию не публикует, не являет широкой аудитории, а оставляет у себя в архиве или вообще уничтожает как отработанное сырье.

Мой опыт работы с черновиками Пушкина (а также отчасти Хлебникова) говорит о том, что транскрипция – под непременным контролем оригинала – позволяет в ряде случаев значительно продвинуться в реконструкции текстов черновика, а иногда в

частичном установлении последовательности его заполнения. Иногда транскрипция позволяет многое увидеть в оригинале – и на какое-то время даже его заменить.

Итак, для рукописной текстологии необходимы ФТПР, подобные упомянутому ФТИ [Пушкин 1939], которое остается в российской текстологии уникальным. Наиболее подходящим «полигоном» для такого рода ФТПР и ФТИР представляются электронные сайты в интернете, хотя и способ обычных – «бумажных» – изданий тоже не следует оставлять без внимания.

Далее я хотел бы коснуться вопроса о текстологической нотации для транскрибирования рукописей и реконструирования текстов на этой основе. Следует признать, что применяемые в отечественной текстологии нотационные средства для этих задач недостаточны.

Основными действиями при написании черновика являются две операции – написание и зачеркивание фрагмента; можно сказать, что к этим элементарным операциям сводятся все другие – или их подавляющее большинство. Например, замена одного фрагмента другим складывается из двух элементарных операций – зачеркивание исходного фрагмента и написание вместо него заменяющего. Разумеется, пользоваться в текстологической работе только двумя основными элементарными операциями было бы неудобно – как, скажем, неудобно пользоваться при задании натуральных чисел только двумя цифрами – нулем и единицей, в принципе достаточными – в теоретическом аспекте – для записи любого такого числа. В черновике возможны такие более сложные действия, как замена с возвратом к исходному варианту, перемещение фрагмента, инверсия (т. е. изменение порядка следования двух смежных фрагментов). Для представления последовательности замен (т. е. для «текстологического сценария») нужна специальная нотационная запись, отражающая все испробованные автором варианты.

Для транскрибирования и послойного представления рукописи следует разработать и использовать специальную текстологическую нотацию, которая, во-первых, должна охватывать основные типы явлений черновика, во-вторых, быть наглядной и не перегружать ни транскрипцию, которая должна быть по возможности топологически изоморфной оригиналу, ни послойное представление. набросок такой нотации представлен в 2.¹¹

2 Текстологическая нотация для передачи транскрипций или восстанавливаемых текстов

- (1) [XYZW] (зачеркивание): фрагмент XYZW в рукописи зачеркнут. В транскрипции для зачеркивания можно использовать реальную зачеркивающую линию – ~~XYZW~~ (что представляется более наглядным) – или же прибегать к квадратным скобкам (что выглядит более чётко при зачеркивании одного-двух символов в составе слова). В сводке или в послойном представлении вариантов квадратные скобки предпочтительны.
- (2) [~~XYZW~~] (зачеркивание с возвращением к первоначальному варианту): фрагмент XYZW сначала был зачеркнут, а затем восстановлен (разрядкой или подчеркиванием).
- (3) <XYZW> (конъектура): фрагмент XYZW не имеет прямого соответствия в рукописи, т.е. либо этот фрагмент в рукописи реально отсутствует (например, «сладостн<ой>» в 1а, что в рукописи соответствует написанию «сладост» – см. 1б справа в первой строке), либо он наличествует в рукописи, но плохо различается и лишь восстанавливается – уверенно или предположительно (например, «<сыны>» в [ПД 838, л. 73]), либо на его месте стоит нечто другое, что с большей или меньшей степенью уверенности может быть сочтено ошибкой автора (например, в [ПД 838, л. 73] фрагмент «съ такой силой» не укладывается в размер и передается в восстанавливаемом тексте следующим образом: «Не вымышляль съ тако<ю> силой»)¹²

¹¹ Это расширенная и подкорректированная версия текстологической нотации для отображения рукописей, представленной в приложении к статье [Перцов, Пильщиков 2011: 25–26]. Обращаю внимание на то, что как в транскрипции, так и в послойном представлении я допускаю некоторую вариантность записи; так, зачеркивание может передаваться как реальной линией, так и квадратными скобками, предположительность – как затененностью фрагмента, так и угловыми скобками.

¹² В текстологической литературе используется также знак вставки – «слэшевые» скобки /.../ – для обозначения фрагментов, вставляемых текстологом. Надо сказать, для меня такого рода скобки обладают существенными недостатками: во-первых, в них графически не различаются левая и правая границы; во-

- (4) { A | B | ... | Y | Z } (альтернативные варианты): варианты A, B, ..., Z, занимающие в тексте одну и ту же позицию (синтаксическую, ритмическую, смысловую), записаны в рукописи рядом друг с другом, причем A – это исходный вариант, Z – окончательный, B, ..., Y – промежуточные (при этом последовательность вписывания в рукопись промежуточных вариантов не всегда может быть установлена)
- (5) X^ (недописанная концовка слова): слово в рукописи не дописано – например, в 1b фрагмент «сладост^», который с учетом контекста может интерпретироваться как «сладостной» («въ прохладѣ сладостной»), или «сладостномъ» («при шумѣ сладостномъ»), или «сладостныхъ» («сладостныхъ фонтановъ»)
- (6) X~ (неразобранная концовка слова): концовка слова в рукописи не разобрана, т.е. вплотную к X следует неразобранный фрагмент (например, фрагмент в [ПД 838, л. 73] «татар~», предположительно расшифровываемый как «татарской»)
- (7) [X]>Y| (замена с наложением): поверх фрагмента X написан фрагмент Y (например, в 1b запись «нит[ь]>и|» означает, что в [ПД 838, л. 73] в слове «нить» поверх конечной буквы «ь» написана буква «и», т.е. слово «нить» заменено на слово «нити»)
- (8) X_Y (слитное написание): слова X и Y в черновике написаны слитно (например, «и_навѣщаль» в [ПД 838, л. 73])
- (9) XYZW (выделение фоном): фрагмент XYZW восстанавливается предположительно (например, фрагмент «Въ про^» в 1b)
- (10) □□□□ : неразобранный фрагмент (количество квадратиков □ примерно соответствует количеству символов в этом фрагменте; например, в 1b фрагмент «хит□□□□»¹³)

Особо хотелось бы коснуться вопроса о том, как в транскрипции черновиков и реконструкции их текстов отражать тот круг явлений, который в текстологии подводится под рубрику конъектур и отражается посредством заключения соответствующих фрагментов в угловые скобки или помещением после них вопросительного знака в таких скобках. Термин «конъектура» (от латинского – ‘предположение, соображение, догадка’) охватывает в текстологии весьма разнообразные ситуации при чтении черновиков; как сказано выше, единственным нотационным средством отражения конъектур являются угловые скобки и вопросительный знак в таковых. В самом общем виде конъектура – это сигнал несоответствия реалий рукописи и отражающего её текста исследователя – транскрипции или реконструкции¹⁴. Такой сигнал может использоваться по меньшей мере в шести типах рукописных ситуаций, перечисленных в За :

За К типологии конъектурных ситуаций в рукописи

- (1) **Неразборчивость**: в рукописи некоторый фрагмент написан неразборчиво (в ряде случаев он может быть по контексту восстановлен)
- (2) **Локализация**: имеется неясность в отнесении некоторого фрагмента к тому или иному месту основного текста, извлекаемого из черновика
- (3) **Описка**: в написании фрагмента допущена ошибка (орфографическая, пунктуационная или содержательная)
- (4) **Ссылка**: в рукописи имеется некое условное написание (иногда – волнистая черта или даже какая-нибудь каракуля) – ссылка на некоторый фрагмент в той же рукописи или в каком-либо другом месте)
- (5) **Атрибуция**: отнесение каких-либо явно выделяемых блоков рукописи к одному и тому же или к разным произведениям

вторых, наклонная черта («слэш») нередко используется для обозначения границы между строками, и возникающая вследствие этого омонимия знака нежелательна.

¹³ В этом фрагменте после первых трех букв «хит» следует цепочка примерно из четырех букв, которую с большой натяжкой можно предположительно прочитать как «овии» (или «овий»), однако получаемый таким образом результат «хитовии» («хитовий») явно неприемлем. Щеголев в 1911 г. допустил здесь очень ответственную красивую конъектуру, представив эту строку таким образом: «Низаль онъ (?хитрою рукой?)», и это было принято во всех последующих подачах этого текста. Автор настоящей статьи, будучи не в состоянии предложить ничего более остроумного и достоверного, вынужден в 1а предположительно согласиться с этой реконструкцией, которая предполагает здесь конъектурную ситуацию неразборчивой описки и пропуска «хвоста» словосочетания: получается, что после «хит» Пушкин небрежно написал четыре-пять букв и, сделав росчерк после последней, словосочетания не завершил (см. в 1b пятую строку снизу).

¹⁴ Тем самым термин «конъектура» здесь используется в расширенном значении, охватывающем не только предположительное чтение рукописи, но еще и такие случаи вполне достоверного чтения, как, скажем, очевидное восстановление недописанного «хвоста» слова или исправление орфографической ошибки.

- (6) **Пропуск:** в рукописи отсутствует фрагмент (часть слова, слово или словосочетание), необходимый по требованиям языковой правильности или иным требованиям: (а) концевой (пропуск «хвоста» слова – «недописка»); (b) срединный (пропуск букв в середине слова); (с) пропуск целого слова или сочетания слов.

Все указанные типы конъектур могут быть характеризованы по другому основанию – по степени уверенности:

3b Типы конъектур по степени уверенности: (d) достоверно, (e) возможно, (z) гипотетично

Итак, посредством умножения шести на три получаем восемнадцать типов возможных конъектурных ситуаций, для различения которых в существующей текстологической практике нотационные средства отсутствуют.

Для иллюстрации указанных типов конъектурных ситуаций обращусь к двум страницам черновика «Сказки о Золотом петушке» Пушкина. В 4 представлены транскрипции четырех фрагментов на этих страницах – в четырёх подпунктах (4а) – (4с); справа от строк курсивом указаны типы соответствующих конъектурных ситуаций (в некоторых случаях в квадратных скобках прямым шрифтом даны восстанавливаемые фрагменты).

4 Из черновика «Сказки о золотом петушке»: пп. (4.1) – (4.4) [ПД, № 845: лл. 25 об. – 26]

(4а) [л. 25 об., низ левого столбца – верх правого столбца]

Помнишь? – за мою услугу
Объщались ты какъ другу
Мнѣ
~~Волю~~ исполнить какъ свою –
Волю ~~~~~ || (a1) ссылка [первую мою]
Подари же мнѣ дѣв[^] || (a2) пропуск концевой (d) [дѣвицу]
Ш~ Ца~ || (a3) 2 неразборчивости [Шамаханскую царицу]
крайнѣ кр[^] □ былъ ~~у~~[^] || (a4) 2 пропуска концевых; (d), неразборчивость
Царь былъ ~~очень изум~~[^] изумл~~ен~~[>]ь || (a5) 2 пропуска типа (d) – концевой и срединный
старцу
Что ты[,][?]>!! молвилъ онъ –

(4b) [л. 25 об., низ правого столбца]

~~Что бы~~
~~Хочешь – Царства половину?~~ –
Хоть казну – Ты проси
Иль полща Ца~ моег[^] || (b1) описка типа (d); пропуск концевой (d) [полцарства моего]
Не хочу я ничего || (b2) ссылка [Подари ты мнѣ дѣвицу / Шамаханскую царицу]
~~~~~ || (b3) пропуск концевой типа (d) [мудрецъ]
Говорить въ отвѣтъ мудр~

(4с) [л. 26, верх левого столбца]

Не бѣда что сказка ложь || (c1) локализация
Шапку
~~деньги~~, денегъ, чинъ боярск<o>й || (c2) пропуск срединный типа (d)
Жеребца съ конюшни || (c3) описка, пропуск слова – [съ конюшни царской]
же
Плюнулъ Царь Д — такъ нѣтъ
тебѣ тебѣ сказка ложь || (c4) локализация
Ничего ты не получишь —

(4d) [л. 26, низ правого столбца]

А [ц]>Царица
~~А дѣвица~~ вдмгъ пропала || (d) описка типа (z) [«вдругъ» / «вмигъ»]

Рассмотрим и прокомментируем отмеченные 13 конкретных конъектурных ситуаций в этом черновике:

- (a1) «Волю ~~~~~ ». Ссылка: волнистая черта, отсылая к написанной в другом месте рукописи строке, заменяет словосочетание «первую мою».
- (a2) «Подари_же мнѣ дѣв^». Пропуск концевой: дѣв^ → дѣвицу».
- (a3) «Ш~ Ца~». Неразборчивость концевая (двукратная: «хвосты» двух слов лишь намечены, что указано тильдами); восстанавливается: «Шамаханскую Царицу».
- (a4) «крайнѣ кр^ □ былъ ѱ^». Два пропуска концевых: кр^ → крайнѣ; ѱ^ → удивлень. Одна неразобранная буква.
- (a5) «Царь былъ очень изум^ изумль». Два пропуска – концевой (изум^ → изумлень) и срединный (изумль → изумлень).
- (b1) «Иль полща Ца~ моег^». Описка: полща → полцарства. Неразборчивость концевая: Ца~ → царства. Пропуск концевой: моег^ → моего.
- (b2) «Не хочу я ничего / ~~~~~». Ссылка: волнистая черта, ссылаясь на некоторый фрагмент рукописи, заменяет двустроичие: «Подари же мнѣ дѣвицу / Шамаханскую царицу».
- (b3) «Говорить въ отвѣтъ мудр~». Неразборчивость концевая: мудр~ → мудрецъ.
- (c1) «Не бѣда что сказка ложь / [деньги,] Шапку денегъ, чинь боярск<о>й». Локализация: первая строка находится не на своем месте; в окончательном тексте вариант этой строки («Сказка ложь, да въ ней намекъ») составляет предпоследнюю строку сказки.
- (c2) [деньги,] Шапку денегъ, чинь боярскй». Пропуск срединный: боярскй → боярской.
- (c3) «Жеребца съ коню шни». Описка – слово «коношни» написано с пробелом. Пропуск слова «царской» в конце строки.
- (c4) «Плюнулъ [Царь Д] — такъ нѣтъ / [тебѣ] [тебѣ] сказка ложь / Ничего [ты__не__подучишь] —». Фрагмент «сказка ложь» находится не на своем месте – см. (c1).
- (d) «А дѣвица вдмгъ пропала». Описка: вдмгъ → либо «вдругъ», либо «вмигъ».

В связи с типами конъектур, различаемых по первому основанию, т. е. по рукописной ситуации, а точнее – в связи с конъектурами-дополнениями, можно рассматривать так называемые пояснительные редакторские конъектуры, предложенные четверть века тому назад в очень важной, с моей точки зрения, статье Л. М. Аринштейна «Незавершенные стихотворения Пушкина (текстологические проблемы)», опубликованной в одном из центральных пушкиноведческих периодических изданий четверть века назад [Аринштейн 1989]. К сожалению, насколько мне известно, предложения Аринштейна не привлекли внимания текстологов и не вызвали обсуждения. При этом я отнюдь не во всём с ним согласен – более того, с его предложением публиковать незавершенные стихотворные наброски, явным образом внося в основной текст отсутствующие в рукописи фрагменты, предположительно восстанавливаемые по контексту – пусть и с указанием их конъектурного статуса, я не согласен категорически. Как мне представляется, данный случай принадлежит к тем научным предложениям, ошибочность которых полезна: она инициирует плодотворную дискуссию и ведет к плодотворным же – правда другим – решениям.

Что же предложил Л. М. Аринштейн? В незавершенных Пушкинских черновиках он рассматривал некоторые неполные, недописанные строки, содержащие явные лакуны – либо слова, либо их фрагменты – и пытался «дописать» их за Пушкина, т. е. вставить эти отсутствующие фрагменты. Иногда такие вставки выглядят очень убедительно и остроумно. Так, рассматривается фрагмент наброска, обращенного к Плетневу [ПД, № 846, л. 30]:

4а И что нашему собрату / Брать съ публики умѣренную плату –

и предлагается публиковать его так [Аринштейн 1989: 281]:

4б И что <пора уж?> нашему собрату / Брать съ публики умеренную плату –

Другой пример – черновик, датируемый предположительно декабрём 1832 года; это листок с наброском, начинающимся словами «Желалъ я душу освѣжить...» (номер 184 в Пушкинском фонде Пушкинского Дома). Здесь верхний слой второго катрена реконструируется так:

5а Я ѳхаль въ дальные края; / [Не шумныхъ] [жаждалъ я] / Искаль не злата, не честей, / Въ пыли
среди копій и огней

Для второй из этих четырёх строк предлагается пояснительная редакторская конъектура [там же: 291]:

5b <...> [Не шумных] <пиршествъ?> [жаждалъ я] <...>

Вот пример такого рода конъектуры, касающейся части слова: в наброске «Когда порой воспоминанье...» (1828) [ПД, № 138, л. 1] анализируется фрагмент:

6а Когда людей вблизи видя / Въ пустыню скрыться я хочу <...>

Здесь первую строку, дефектную в отношении четырехстопного ямба (не хватает слога), предлагается печатать в виде 6b – с указанием дополнительного варианта 6с при основном [там же: 295]:

6b Когда людей вблизи <за?>видя <...>

6с Когда людей вблизи <у?>видя <...>

По моим представлениям, таким остроумным дополнениям текста место, конечно, не в публикационном основном тексте, а в пояснительных текстологических примечаниях. Дело в том, что сколь бы ни проясняли смысл такие вставки, какими бы убедительными ни были их обоснования, необходимо учитывать то обстоятельство, что автор их в черновой текст не ввёл – причем не по недосмотру, а вследствие колебаний при поиске соответствующих слов. Тем самым пояснительные редакторские конъектуры в принципе допустимы, но не в составе публикуемого текста, а в особых текстологических примечаниях к тексту.

Как видно из предшествующего изложения, мой основной пафос при изучении и представлении черновых текстов состоит в крайней осторожности, в нежелательности категоричности, в придании сложным местам транскрипций и реконструкций гипотетического статуса. Рассмотрю два других класса неопределённых текстологических ситуаций в черновиках: (1) неясность в расположении тех или иных фрагментов; (2) неясность в отнесении тех или иных рукописных текстов к одному или к разным произведениям. В подобного рода ситуациях мы также нередко наблюдаем абсолютную уверенность исследователей и публикаторов при выборе и изложении того или иного решения.

Приведу два примера, иллюстрирующих указанные две ситуации. Вернёмся к наброску, о котором уже шла речь – с начальной строкой «Желалъ я душу освѣжить...». Здесь мы видим два катрена; их верхние слои показаны в пункте 7 (где катрены разделены жирной чертой):

7 (1) Желалъ я душу освѣжить / Бывалой жизнию пожить / Въ забвеньи сладкомъ близъ друзей / Минувшей юности моей ■ (2) Я ѳхаль въ дальные края; / [Не шумныхъ] [жаждалъ я] / Искаль не злата, не честей, / Въ пыли среди копій и огней

Именно в такой последовательности печатаются эти два катрена в третьем томе Большого академического собрания сочинений. Однако в дополнительном семнадцатом томе, в разделе коррекций, последовательность катренов изменена – на том основании, что по виду рукописи можно предположить, что Пушкин не остановился еще твёрдо на каком-то едином расположении набросанных стихов, а в отношении эстетическом инвертированный порядок катренов выглядит лучше; то же решение уверенно поддерживается в статье [Аринштейн 1989: 292]. – Здесь вызывает возражение не возможность указанной трактовки данного черновика, а её категоричность в отношении такого рукописного чернового феномена, который по самой своей онтологии не может быть интерпретирован с полной определённойностью. А возможна здесь и еще одна текстологическая интерпретация данного наброска, на которую мне указал И. С. Сидоров: эти два катрена могут быть двумя вариантами начала чего-то не доведенного до завершения. Тем самым мы здесь имеем три текстологически возможных варианта. Я допускаю здесь возможность печатания данного черновика в инвертированном порядке катренов (по 17-му тому Академического собрания и по Аринштейну), но настаиваю на обязательном указании в текстологическом примечании гипотетичности такого порядка и на полном описании текстологической ситуации черновика, с указанием и двух других его текстологических интерпретаций. (Отмечу, что сам бы я в основном тексте все-таки сохранил реальный порядок черновика, а два других варианта вынес бы в текстологическое примечание.) Последняя авторская воля Пушкина нам, к сожалению, в данном случае неизвестна; возможно, её вообще и не было.

Ситуация неясности отнесения двух черновых фрагментов к одному или к разным произведениям может быть проиллюстрирована двумя стихотворными набросками на страницах одного листа [ПД, № 160: лл. 1, 1 об.], относящиеся к заключению Адрианопольского мира, которое состоялось в начале сентября 1829 года. На лицевой странице первого листа основной текст читается так:

8а Опять увѣнчаны мы славою / Опять кичливый врагъ сраженъ / Решень въ Арзрумѣ споръ кровавой / Въ Эдырне миръ провозглашенъ / И [даль] двинулась Россія / И Югъ державно облегла / И пол-Евксина вовлекла / [Въ свои объятія тугія]

Здесь прославляется Россия и воспеваются её военные достижения. На обороте этого листа мы видим черновой набросок с таким основным текстом:

8б (1) Возстань, о Греція, возстань – / Недаромъ напрягала силы / Недаромъ потрясала брань / Олимпъ и Пиндъ и Фермопилы ■ (2) Страна Героевъ и боговъ – / Разторгла рабскія вериги / При пѣньи пламевыхъ стиховъ / Тиртея, Байрона и Риги ■ (3) Подъ сѣнью вѣтхой ихъ вершинъ / Свобода юная возникла / На гробахъ Перикла / На мраморныхъ Афин<ъ>

В этом наброске речь идет об освобождении Греции от турецкого владычества в результате того же Адрианопольского мира. Ясно, что тексты на этих двух страницах содержательно связаны, но составляют ли они единое произведение или два разных?

Б. В. Томашевский в середине 1930-х годов предположил, что это единое стихотворение, и так его тогда опубликовал – как сообщается в [БАСС, т. 3, кн. 2: 1187], в книге: «А. Пушкин. Сочинения. Издание второе, испр. и дополн. Ред., биогр. очерк и прим. Б.В. Томашевского. Л., 1937» (а в дальнейшем он повторил такую подачу текста в 1950-х годах). С ним не согласились редакторы третьего тома Большого академического собрания, где эти два текста поданы как два разных стихотворения (правда, трактовка Томашевского в примечании там отмечена). Мне представляется предпочтительным именно это «академическое» решение, однако и в данном случае я усматриваю ситуацию рукописной текстологической неопределенности – и не стал бы категорично настаивать на единственности предложенного эдиционного решения. Самое существенное в случаях

подобного рода – не столько выбор основного публикационного текста, сколько адекватное полное описание всей соответствующей рукописной ситуации.

Для меня несомненно, что наша филология в долгу перед классиками отечественной литературы – и перед Пушкиным в частности. Долг этот состоит в планомерном транскрибировании рукописей и публикации транскрипций в электронных и печатных средствах – вместе с исходными факсимиле. Такого рода факсимильно-транскрипционные представления рукописей дадут возможность каждому филологу самому непосредственно проверить правильность данных, печатаемых в разделах «Другие редакции и варианты» в собраниях сочинений и самому реконструировать тексты рукописей – особенно в случаях сложных, трудно читаемых черновиков. Они таят в себе еще немало неразгаданных загадок.

Итак, встает проблема создания электронных факсимильно-транскрипционных баз данных черновиков для классиков русской литературы. Естественно начинать с Пушкина. Надо сказать, что в пушкинской текстологии накоплено довольно обширное множество транскрипций черновиков, разбросанных в многочисленных работах. Прежде всего, желательно собрать и «компьютеризовать» эти транскрипции (проведя по возможности их проверку).

Пушкинское рукописное наследие насчитывает примерно двенадцать с половиной – тринадцать тысяч страниц. Это большая величина, но всё-таки отнюдь не астрономическая. Полное транскрибирование Пушкинских рукописей, при участии в нем центральной рабочей группы исследователей (хотя бы 4-5 человек), при достаточном финансировании этой работы, можно осуществить за десять-двадцать лет, а то и быстрее; в принципе можно успеть её завершить к следующей светлой годовщине – 225-летию рождения поэта (2024-й год) – или к печальному 200-летию Пушкинской кончины (2037-й год). Такой срок вполне сопоставим со сроками выхода Большого академического шестнадцатитомника, охватившего период в пятнадцать с небольшим лет (если не считать справочного семнадцатого тома, вышедшего в 1959 году).

К такому электронному факсимильно-транскрипционному представлению и изданию рукописей должны быть привлечены не только силы текстологов – разумеется, требуется активное участие компьютерных специалистов. Компьютерная текстология пока находится на ранней стадии развития; мне думается, её в будущем ожидают значительные достижения. Её возможности, особенно перспективные, огромны. С помощью компьютера можно рассматривать рукописи с нужной степенью увеличения масштаба, что не способна обеспечить никакая лупа. Рассматривая страницу на экране в большом масштабе, мы как бы следим за движением пера или карандаша. На экране компьютера можно непринужденно переходить от одной страницы к другой и сопоставлять изображение с транскрипцией; можно менять порядок в ФТПР-Э с последовательного на параллельный и наоборот (т. е. изучать страницы рукописи и страницы транскрипций целю одну или за другой или в их сопоставлении на одном экране одновременно – как удобно исследователю для его текущих целей). Возможно, в будущем можно будет в параллельном режиме обзора достичь «интерактивности» между факсимиле и транскрипцией страницы: наводя курсор на тот или иной фрагмент факсимиле, мы сможем увидеть его отображение (скажем, в виде светлого пятна) в соответствующем месте транскрипции – и наоборот. Для этой последней возможности требуется, конечно, немалая предварительная работа текстолога: нужно будет не только составить транскрипцию, но и осуществить её особую «разметку» в сопоставлении с факсимиле («бумажного» аналога для такой «разметочной» работы, как кажется, нет). Очень нужными для работы текстолога в электронном режиме были бы разработка особой компьютерной среды для составления транскрипций и разработка среды для написания «текстологического

сценария» по анимации страницы рукописи, т. е. по процессу её заполнения (в большом числе случаев черновиков подобная анимация гипотетична, однако бывают и «прозрачно» заполненные черновые страницы). В такого рода средах нужно иметь «поля» для хранения факсимиле и транскрипции и кнопки для ввода операций по транскрибированию и анимации.

В активно развивающейся сейчас области знаний, имеющей англоязычное наименование «Digital Humanities» (DH) и, к сожалению, пока не нашедшей для себя хорошего русского эквивалента¹⁵, компьютерная рукописная текстология должна найти достойное место. Думается, работа над решением её задач может иметь «выходы» в другие области DH («компьютерной гуманитаристики»), связанные с обработкой изображений, с искусственным интеллектом, с формализацией и компьютеризацией разнообразных ментальных способностей человека.¹⁶

ЛИТЕРАТУРА

- Аринштейн 1989 – Аринштейн Л.М. Незавершенные стихотворения Пушкина (текстологические проблемы) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Сборник научных трудов. – Л.: «Наука» (Ленинградское отделение), 1989. – С. 279–305.
- БАСС – Пушкин. Полное собрание сочинений. [М.; Л.], 1937–1949, тт. 1–16; 1959, т. 17.
- Бонди 1937 – Бонди С.М. О чтении рукописей Пушкина // Изв. АН СССР. Отделение общественных наук. 1937, № 2–3. С. 569–606.
- Бонди 1971 – Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1971.
- ПД – Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Ф. 244 (А.С. Пушкин), оп. 1.
- Перцов 2008 – Перцов Н.В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка: (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // ВЯ, 2008, № 2, с. 30–56 [интернет: <http://www.ruslang.ru/doc/percov2008.pdf>].
- Перцов, Пильщиков 2011 – Перцов Н.В., Пильщиков И.А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания, 2011, № 5, с. 3–30 [Интернет: <http://www.ruslang.ru/doc/percov-pilshchikov2011.pdf>].
- Пушкин 1905 – Сочинения Пушкина. Издание Императорской академии наук. Том второй. – СПб., 1905.
- Пушкин 1919 – А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений со сводом вариантов и объяснительными примечаниями, в 3 томах и 6 частях / Ред., вступ. статья и комм. Валерия Брюсова. М.: Гос. изд-во, 1919.
- Пушкин 1930 – А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А.В. Луначарского, П.Н. Сакулина, В.И. Соловьева, П.Е. Щеголева. Том второй. М. – Ленинград: Гос. изд-во, 1930 [Приложение к журналу «Красная Нива»].
- Пушкин 1939 – Рукописи А.С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833 – 1835 гг. – М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1939 [Три тетради: I. Факсимиле; II. Транскрипции; III. Комментарий].
- Томашевский 1922 – Томашевский Б.В. Новое о Пушкине // Литературная мысль. Альманах I. – Петроград: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1922. – С. 171–186.
- Томашевский 1925 – Томашевский Б.В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Ленинград, 1925. [Культурно-просветительное трудовое сообщество «Образование»]
- Томашевский 1928 – Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерки текстологии. – М. – Ленинград: Прибой, 1928.
- Хомякова 2013 – Хомякова Е.В. Творческое мышление писателя в зеркале проекта «Видеотекст» // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII Международной научной конференции (Ульяновск, 15–18 мая 2013 г.). – М.: Ин-т языкознания РАН, Ин-т русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2013. – С. 64–66.
- Шапир 2001 — Шапир М. И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сб. [Вып.] IX. / Сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий. М., 2001. С. 45–58/
- Шапир 2002 — Шапир М. И. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 61. 2002. № 3. С. 3–17.
- Шолохов 2011 – Михаил Шолохов. «Тихий Дон». Динамическая транскрипция рукописи. – М.: ИМЛИ

¹⁵ Не прибегнуть ли к такому несколько громоздкому варианту, как *компьютерная гуманитаристика / гуманитария* – с заменой множественного числа на единственное?

¹⁶ Выражаю искреннюю признательность коллегам, читавшим статью в разных её версиях и высказавшим мне свои соображения и критику: Г.В. Векшину, Е.М. Верещагину, К.В. Вигурскому, Р. Вроону, С.Н. Ефимовой, В.Н. Захарову, М.Ю. Михееву, Б.В. Орехову, И. А. Пильщикову, И.С. Сидорову, Н.А. Тарасовой, И.О. Шайтанову.

РАН, 2011.

Щеголев 1911 – Щеголев П.Е. Новые стихотворения Пушкина // Русское Слово, 1911, № 181 (6 августа). – С. 3.

Щеголев 1931 – Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, испр. и дополн. – М.–Ленинград: ГИХЛ, 1931.